

Олег Галетка

Треснутое зеркало

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Олег Галетка

Треснутое зеркало

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Галетка О.

Треснутое зеркало / О. Галетка — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В районном городке происходит несколько убийств беременных женщин. Их находят раздетыми в странных позах с собачьими поводками на шеях, с приклеенными хвостами из волос к ягодицам. К делу подключают молодого психолога, который попал в ряды полиции по экспериментальной программе реформирования силовых структур. Содержит нецензурную брань.

© Галетка О., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Олег Галетка

Треснутое зеркало

Мужчина открыл глаза. Сквозь еще не растворившуюся пелену сна, доносился противный писк будильника. Сон, словно застигнутый любовник, быстро собрал свои вещи и испарился, прервав на самом интересном месте начатую историю с шикарной блондинкой. Огромный соблазн запустить пищащую коробку в стену овладел человеком. Рука уже дотянулась до разрывающего тишину раннего утра прибора, но здравый смысл позволил лишь нажать кнопку отбоя. Комната вновь погрузилась в тишину, с ее возвращением, казалось, заснул и здравый смысл, уступив право командования эгоизму, который умалял дать ему еще несколько минут, чтобы узнать, чем закончится прерванное сновидение. Человек резким движением сел в кровати. Затем опустил ноги и направился в ванную, прекрасно ориентируясь в полной темноте. Включенный свет резанул по глазам, хозяин квартиры зажмурился. Он поймал себя на том, что если еще секунду его глаза будут закрыты, он заснет стоя. Мужчина тряхнул головой, а через несколько секунд уже смотрел в зеркало над умывальником.

В зеркале отражалось сонное измученное лицо с черной щетиной. Зеленые глаза, испускающие лихорадочный блеск, оставались полужакрытыми, придавая лицу хозяина подозрительность. Черные брови нависали над глазами впадинами, добавляя в образ суровость и некую озлобленность. Мужчина провел рукой по щеке, прислушиваясь, как шелестит волос под ладонью. Нужно было бриться, но желание отсутствовало. Мужчина повертел головой, изучая все стороны своего лица, и вяло усмехнулся. Правая рука открыла воду. Кран чихнул, крикнул и выбросил струю ржавой воды, которая воронкой устремилась в сливное отверстие, оставляя на стенках раковины крупички ржавчины. Человек подождал, пока струя воды не станет прозрачной, а затем подставил руки чашечкой. Было приятно ощущать прохладу воды, пусть даже пахнувшей ржавчиной и затхлым водоемом. Мужчина закрыл воду, вытерся полотенцем и новыми глазами посмотрел в зеркало. Взгляд, как фокус фотоаппарата сделал размытым отражение и отчетливо прорисовал длинную трещину, которая делила зеркало на два куска. Воспоминания бурным потоком заполнили еще не окончательно проснувшийся мозг.

Шум свадьбы остался за порогом квартиры, он – молодой парень внес через порог красивую брюнетку в белоснежном платье. Она соскочила на пол, загадочно улыбнулась и исчезла в этой самой ванной, строго-настрого запретив уже законному мужу подглядывать. Юноша честно ждал минуты две, а затем открыл двери, а там... Она стояла в кружевном белье, чулках и фате. В ее огромных глазах смешались лукавство и детская невинность. Он больше не мог сдерживаться и шагнул в тесное помещение. Они любили друг друга. В момент наивысшего удовольствия она задела зеркало, но то, боясь нарушить единение молодых тел, только глухо кашлянуло и обзавелось огромной трещиной через всю свою площадь.

Мужчина моргнул, мимолетная картина, которую он видел уже не первый раз, растаяла. Теперь перед ним висело только треснувшее зеркало с отражением небритого лица. Он вышел на кухню. Порция растворимого кофе, лишь потому, что «очень быстро», пара кусков засохшей булки с маслом и завтраку конец. Он не спешил вставать. Вереница образов и звуков, которые некогда наполняли эту квартиру, вновь вернулась в его мысли. В тот момент он мог поклясться, что ощущает аромат ее крема для рук.

Сколько они прожили вместе? Не полных два года? Два года. Это много или мало? Менее двух лет понадобилось, чтобы костер, которому казалось не угаснуть никогда, выгорел до золы, до черной пыли отвращения. И вот от той пылкости осталось лишь треснутое зеркало в ванной, которое каждое утро своими гранями резало по одной и той же ране, не давая ей затянуться. Почему он не выбросил этот кусок стекла? Может, он мазохист? Это предположение растянуло

губы в усмешке. Он не мог однозначно ответить на все вопросы, он не знал ответы и на многие другие, но он продолжал жить, и этого было достаточно в данный момент.

Почему они расстались? А почему расстанутся люди? Почему гаснут чувства? Он вспомнил, что где-то читал о разводе из-за не закрытого тюбика зубной пасты. Девушку раздражало, что ее благоверный не закрывал тюбик зубной пасты. Конечно, это не было основной причиной развода, а тем более такого не замечалось в их отношениях, но подобные мелочи стали превращаться в скрытые рифы недомолвок. Затем они вырастали в горы ссор, в обиды, в полное непонимание.

– Ваня! – мужчина за столом вздрогнул, он отчетливо слышал свое имя. – Ваня! Ты снова плохо смыл остатки щетины с раковины после бритья.

Он не ответил. Послышались шаги босых ног по линолеуму. Она возникла в проеме кухонных дверей, как всегда прекрасна в любое время суток, в любом одеянии.

– Ты слышишь меня? – вопрос многократным эхом отразился в голове Ивана.

– Слышу.

Он устало посмотрел на жену.

– Мне надоело ходить за тобой с тряпкой, сколько можно говорить об одном и том же? – девушка накручивала себя, повышая тон.

Она входила в раж перепалки, и ей не хватало лишь одного реактива – ответов оппонента, чтобы взорваться полноценной бомбой-скандалом.

– Бедная, а ты только и делаешь, что ходишь за мной с тряпкой.

Нужный реактив попал в топку, и реакция пошла на полную.

– Что ты хочешь этим сказать? – ее глаза сверкнули.

– Только то, что за собой ты ничего не замечаешь?

Равнодушие в глазах парня сменила досада от несправедливости в ее словах, а еще чувство бессилия перед тем, что он ничего не может поделать с такими упреками.

– Например?

– Например, чашки после кофе по всей квартире, крошки после завтрака на столе, волосы в ванной после бритья ног. Продолжать? – он сам презирал себя за это, но больше молчать не мог.

– Я просто спешу утром на работу, – она презрительно смотрела на него сверху вниз.

– А я целыми днями валяюсь на диване и раскладываю остатки щетины по раковине? – разговор перетекал в привычное русло, и парень знал, чем он закончиться.

– Да с такой работой и зарплатой, лучше бы ты лежал на диване!

В этот момент в ее глазах промелькнул испуг, быть может, она еще любила этого человека, и ей просто стало неловко за ту прямоту в его адрес.

– С этого надо было и начинать, – его казалось ни на йоту не удивило заявление жены, быть может, он только и ждал этих слов. – Я думаю, что мы пришли к логическому завершению нашего совместного дуэта?

Парень внимательно посмотрел в глаза девушки, непонятные чувства отражались в них. Он усмехнулся, вернул свой взгляд на чашку с кофе и продолжил.

– Я уверен, что тебе уже есть куда уйти. Можешь взять все, что захочешь, свои подарки тебе я обратно не возьму, давай больше не будем мучить друг друга.

Мужчина за столом вздрогнул, ему показалось, что он вновь пережил тот разговор, что то, что произошло с ним почти год назад, вот на этой самой кухне, повторилось вновь. Почти год, и он по-прежнему живет тем днем. Он прекрасно понимал всю нелепость, а самое главное ужас такой жизни, но опять-таки ничего не мог с этим поделать.

Она снова вышла замуж довольно быстро, и это было не удивительно, а он оставался сам и каждое утро клял себя за слабость, которая позволяла, чтобы эта долбанная стекляшка по-прежнему висела на своем месте, а он помнил ту, которая теперь стала чужой.

Нет, он не спился и не опустился. Он не носил одну и ту же рубашку неделями, от него не воняло грязными носками, он по-прежнему не мог надеть не глаженные брюки. Но иногда мысли о необходимости всех этих процедур появлялись в его голове, а затем он вновь стирал, гладил, и смотрелся в зеркало перед тем, как выйти из дому. Вот и теперь Иван Сергеевич Гратко стоял перед зеркалом в прихожей своей квартиры и пустым взглядом смотрел на свое отражение. Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла вялой и больше похожей на оскал. Затем он взял со столика в прихожей небольшую папку и вышел из квартиры.

Всю дорогу к работе мрачные мысли витали над его головой. Все попытки Ивана отвлечься от вновь нахлынувшей хандры оказались тщетными. Любая деталь, на которой останавливался его взгляд, в конце концов, выводила мысли на прошлое. Любая короткая юбка, на которой он пытался сфокусировать свой взгляд, воссоздавала в голове образ одних и тех же ног. Мужчина брел тихими аллеями городка к зданию уголовного розыска, пока голова была занята разбором вороха пыльных воспоминаний. Ноги, как умные кони, сами несли своего хозяина до автоматизма изученным маршрутом.

Нет, он не был ментом, он не был юристом, он был всего на всего врачом, который от безысходности своего положения согласился на этот дурацкий эксперимент. Большой эксперимент, рожденный где-то за пределами здоровой мысли и реалий жизни. Умные люди в больших кабинетах, имитируя бурную деятельность, решили внедрить новшество, которое, по их мнению, повысит раскрываемость убийств. Организовали они в нескольких областных городах при уголовном розыске должность психолога-консультанта. Задумка состояла в том, чтобы и подчиненный состав обращался к ним со своими проблемами, и, беря во внимание опыт запада, или скорее опыт просмотра западных триллеров, эти консультанты оказывали содействие в поиске убийц. Решили. Издали приказ и спустили сверху. И стали ждать отчетов об исполнении. Люди внизу почесали свои затылки, схватились за головы, пожалели плечами и решили, что погоня им дороже, чем искать правду и доказывать глупость затеи. Поэтому там поскребли, там помели скудный бюджет и организовали указанную должность. Вот только почему-то материальные профессионалы-психоаналитики не очень спешили оставлять свои насиженные места при частных клиниках и диспансерах, и идти неизвестно куда за минимальную зарплату. И вот смекалистый народ в погонах стал искать не профессионалов, а романтиков со соответствующими дипломами. И тут появился он, Иван Сергеевич, молодой романтик с дипломом отличника, с верой в свою нужность.

Рисуя в своем мозгу картины, взращенные просмотром все тех же западных триллеров, он согласился с предложенной работой и оказался здесь, в мире парадоксов и непостижимых для нормальной психики законов.

В действительности его надежды и обещанные радужные перспективы разбились о рифы серых будней уголовного розыска буквально в первые же дни работы. Вместо Ганнибала Лектора Ваня имел дело с Васями и Петями, которые крушили головы себе и людям из-за чрезмерного употребления алкоголя или потехи ради. Но в большей степени на молодого психолога угнетающе действовало другое – психологические образы этих уголовных элементов были идентичны. Это день за днем медленно, но уверенно убивало в нем профессионализм, прививая легкое отвращение от собственной работы. Ваня героически держался, пройдя период насмешек, косых взглядов и даже сострадания со стороны коллег. Он успокаивал себя мыслями о настоящих громких делах, запутанных уликах и главное его собственной блестящей работе, как человека, призванного помогать оперативникам в розыске преступников. Но помощи от него не просили, по крайней мере той, на которую он рассчитывал. Чаще это были обращения помочь подшить дела, отнести что-то в архив, или занять денег до получки. И логичным во всем этом стало бы увольнение, но про него забыли. То есть должность утвердили и забыли, потому что существовали проблемы «важнее». Так он и «завис» в этом непонятном измерении правоохранительных органов и собственной неудовлетворенности от работы.

Существовал в целом нормально, но уход жены выбил его из колеи. Вместе с щелчком замка закрывающейся двери исчезла способность самоанализа, и главное самоконтроля. Он превратился в медведя с мешком на голове, который шатается по лесу, натыкаясь на деревья. Только блуждал он среди собственных воспоминаний, придуманных образов и несбыточных надежд. Быть может, если бы работа втянула его в себя с головой, этот разрыв не был столь драматичен, но работа, той о которой он действительно мечтал, не появлялась.

Иван поравнялся с одноэтажным зданием, прятавшимся за частоколом из старых тополей. Когда-то в юности Гратко, здесь располагался овощной магазин, а в конце мая каждого года все вокруг покрывалось белым пуховым одеялом от тополиных великанов. Но затем магазин закрыли, у тополей обрезали кору вокруг стволов, и они засохли. Со временем их опилили чуть выше человеческого роста, а выкорчевывать не стали. Теперь строение облюбовала церквушка. Ваня не знал, что за религию исповедовали люди за стенами бывшей овощной лавки, и если честно, это ему было не интересно. Просто, каждый раз проходя мимо этого уютного дворика, огромный соблазн манил его, как ему казалось, в этот маленький мирок спокойствия и гармонии. Во дворе церкви на два особенно больших тополиных ствола положили трубу, и на ней соорудили колокольню. Только вместо колоколов повесили три кислородных баллона без днищ разных размеров. Именно эти бывшие емкости своим звоном оглашали округу по определенным праздникам. Иван усмехнулся такой сообразительности народа и вдруг непроизвольно кивнул головой в знак приветствия мужчине, который покрывал краской стволы импровизированной колокольни.

То был человек лет сорока с редеющими волосами собранными в хвостик, одетый в потертые джинсы и растянутую футболку без каких либо эмблем. В нем не было штампов, которые присущи церковным служителям, импозантной внешности, бороды, оформившегося животика. Он выглядел скорее щуплым, но в тоже время его жилистые руки выдавали внутреннюю силу. Мужчина с кисточкой в руках блаженно улыбнулся, кивнув в ответ, а его бесцветные глаза выражали полное умиротворение. Казалось, именно с них писали глаза всех святых на иконах. То, что этот человек священник, или некто со схожими функциями в других религиях, Иван знал наверняка. Он не раз видел мужчину с кисточкой за прямыми обязанностями, одетого в совсем другую одежду. Что же сейчас заставило Гратко кивнуть этому странному человеку, он не знал. Быть может, взгляд все тех же умиротворенных глаз, дарующих покой, которого так не хватало Ивану? Или же та простота человека, пред которым толпа склоняла головы, а он сам в затасканной одежде красил старые деревья в уютном дворике? Иван отметил, что непроизвольно замедлил шаг. Мужчина еще шире улыбнулся человеку, спешащему на работу, и поманил его свободной рукой. Иван вздрогнул, словно избавился от чар, неловко улыбнулся, изобразил жест, показывающий, что опаздывает и ускорил шаг. Всю оставшуюся дорогу, перед его глазами, затмив утешные образы, стояли глаза священника с кисточкой в руке.

Гратко свернул в калитку высокого кованого забора, охватывающего территорию здания розыска. За забором возвышалось трехэтажное строение с когда-то солидным фасадом, а теперь имевшее довольно плачевный вид. Кто-то заскулил рядом с ногой. От неожиданности Иван отскочил в сторону. Крупная дворняга с большими черными глазами смотрела на него снизу вверх, широко расставив ноги. От ее взгляда Ивану стало не по себе, два темных блюдца глаз напомнили взгляд того богослужителя, что чуть ранее манил его рукой. Дворняга вновь издала скулящий звук, слегка приоткрыв огромный рот с рядом желтых зубов. Это была крупная беременная сука коричневой масти, с раздутым животом и длинным пушистым хвостом. Иван осторожно шагнул в сторону, обошел собаку и скрылся в здании уголовного розыска.

Гратко кивнул дежурному и направился длинным коридором вглубь здания. Ему выделили личный кабинет, вернее комнату, в которой десятилетиями складывали всякий хлам. И свое посвящение в профессию он начал со шваброй и ведром. Три дня он выносил мусор, четвертый отмывал стены и пол. Пятый подкрашивал окна и подклеивал обои. Тогда ему казалось,

что он создает новый мир. Только результатом стал затерянный мирок. За все время работы его не часто тревожили, он пару раз даже хотел пойти на эксперимент и просто не выходить за двери комнатухи, чтобы узнать, когда это заметят остальные. Ваня усмехнулся воспоминаниям, которые сегодня были особенно щедры на визиты. Психолог вставил ключ в замочную скважину, когда кто-то постучал по плечу.

– Ваня, привет.

За спиной стоял Семен – оперативник из их отдела. Высокий плечистый парень с арийской внешностью, но противоположно добрым характером. Иногда просто не укладывалось в голове, как лед его глаз мог сочетаться с таким добрым сердцем, а циничность работы до сих пор не убила в нем покладистость.

– Привет, Сема.

Рука Ивана замерла в предчувствии того, что открывать двери возможно и не понадобится.

– Тут вызов поступил, шеф сказал и тебя с собой прихватить, – эти слова он проговорил, как бы извиняясь за причиненные беспокойства.

– Мне, что опять, обязательно смотреть на бытовуху?

Легкое раздражение появилось в голосе, хотя Иван прекрасно понимал, что Семен здесь ни при чем.

– Ты же знаешь, мне все равно, поедешь ты или нет, это приказ начальства, а я просто гонец. Ну что мне передать? – он виновато улыбнулся.

– Прости, я знаю. Ну, раз сказали ехать, значит надо ехать.

Несмотря на то, что ехали они в новый бурно развивающийся экологический район города, дорога была ужасной. Машину трясло так, что казалось, еще немного и голова отвалится вместе с шеей. В салоне кроме оперативника Семена находились водитель дядя Паша и еще один оперативник. Того звали Виктор, и если дядя Паша был старичком-весельчаком, то Виктор представлял собой полную противоположность Семена. Чуть ниже среднего роста, жилистый, с темными волосами и неисчезающим недовольством в голосе. Вот и сейчас его лицо выражало это вечное состояние души хозяина. Он буравил взглядом каждого, кто имел неосторожность оказаться в поле зрения таких же черных, как и его волосы, глаз, пытаюсь найти в человеке что-то отрицательное. Виктор никогда не ладил с Иваном, он придерживался того мнения, что парень зря ест свой хлеб, и если большинство работников отдела равнодушно относились к этому и даже немного сочувствовали Ивану, то Виктор не желал мириться с этим.

– А что хоть сказали по телефону? – Семен попытался завязать разговор, дабы снизить напряженность в салоне.

Виктор повернулся к Семену и Ивану, которые расположились на заднем сидении, и мрачно окинул их взглядом.

– Приедем, там все и увидишь, – он еще несколько секунд изучал их лица, а затем вновь вернулся к созерцанию ям и ухабин на дороге.

Место выглядело мрачно даже при ярком солнечном свете. Четыре полуразрушенные стены из серого кирпича, некогда составляли трансформаторную будку, которая питала электричеством несколько улиц частных домов. Затем она перестала справляться с возросшей на нее нагрузкой, и ей на смену построили новую, ближе к домам. Эту же ломать не стали, а народ и другие стихии природы сделали свое дело. За те годы, что она простояла без дела, из нее вынесли все металлические детали вплоть до балок, которые удерживали крышу из бетонных плит. Та частично обрушилась, но некоторая ее часть “дамокловым мечом” нависала над любым, кто решался зайти в эту постройку. Судя по устойчивому запаху человеческих испражнений, сюда заходило немало экстремалов для оправки своих нужд. До первых домов оставалось еще добрых полкилометра пути, поэтому это место казалось абсолютно диким, хотя рядом и проходила дорога, ведущая в поселок коттеджей.

На месте уже толпились зеваки, которых пытался сдерживать молоденький лейтенант, и вовсю работали эксперты. Иван вылез из машины, в голову пришла мысль о том, что это место, особенно мрачно выглядит осенью, когда исчезает зелень, густой туман липнет к одежде, а под ногами чавкает грязь. Он поежился, представляя эту картину. Они втроем направились ко входу в развалившееся строение, где кучкой сбились эксперты.

Иван сделал несколько шагов в сторону развалин, и глаза увидели всю картину, которую до этого момента скрывали спины криминалистов. Гратко бывал и раньше на выездах, он видел проломленные головы, разрезанные тела, мозги на обоях, но увиденное сейчас превратило его ноги в ватные столбы, а руки затрястились мелкой дрожью. На куче мусора среди засохших горok человеческих фекалий лежала обнаженная девушка. Ее красота и белизна обнаженного тела только добавляли сюрреализма в общую картину. Она не была изуродована, если не считать синевы на левом виске, и передавленной собачим ошейником шеи. Пугала сама поза, в которой находилась жертва.

Девушка сидела на коленях, опустив таз на пятки. Тело наклонено максимально вниз, руки вывернуты ладонями к земле, локти приставлены близко к телу. Можно было подумать, что она искала закатившуюся пуговицу под диван, если бы не запрокинутая назад голова. Сделав шаг в сторону, Иван заметил, что удерживает голову трупа в таком положении. Волосы жертвы непонятным образом крепились к коже спины, поднимая лицо вверх. Иван сглотнул ком, подступивший к горлу, и прилип взглядом к животу трупа, руки продолжали дрожать. Она была беременна и, судя по размерам живота, на последних месяцах. Гратко сделал еще несколько шагов и заметил между ягодиц трупа какой-то предмет. Ним оказался пучок длинных волос, прикрепленный чуть выше сфинктера и спускавшийся вниз, на половые губы и дальше между ног девушки. Психолог увидел и место, откуда на затылке жертвы состригли эту прядь. И как довершение общей картины, на гвозде, торчащем из стены, висело легкое светлое платье.

– Здравствуйте, господа сыщики, – Иван вздрогнул.

Бледные Семен с Виктором стояли рядом. Голос прозвучал за их спинами, и оперативники осторожно повернулись. Здоровался невысокий плечистый мужичок в милицейской форме без фуражки, не сводящий взгляд с тела девушки, на его скулах играли желваки. Это был участковый, хотя в глазах Ивана этот крепкий дядька мог с легкостью сойти и за председателя колхоза, и за батюшку местной церквушки. При воспоминании о церкви, перед глазами Ивана возник образ священника с кисточкой в руках. Участковый отвел взгляд от трупа и посмотрел на сыскарей.

– Вы ее знаете? – Виктор первым нарушил молчание.

Глаза мужчины в милицейской форме сузились до маленьких щелочек, он горько хмыкнул и утвердительно мотнул головой.

– Лена. Это учительница моего сына по литературе.

– Где ее муж? – спросил Виктор.

– Да тут такое дело, – участковый замялся. – В общем, нет у нее мужа. А живот у нее от одноклассника моего сына. Такие вот дела.

Семен и Виктор переглянулись. Иван стоял чуть дальше, и прекрасно понимал, какие мысли возникли в головах коллег. Они прорисовывали мотив. Молодая учительница соблазнила ученика. Кто-то оказался этому не рад, отсюда убийство.

– Она живет тут одна, дом от родителей остался. Я был уже у того парнишки. Они вчера должны были встретиться, но она, с его слов, задержалась у подруги до начала одиннадцатого. Валера, это ее, даже не знаю, как теперь таких называют, сожитель, в общем, просил ее взять такси, больше она телефон не брала. Он говорит, что всю ночь обзванивал сначала знакомых, затем больницы, а утром ее нашли местные ребята, они шли на рыбалку, увидели что-то белое на развалинах, а затем прибежали ко мне. Тут никто ничего не трогал, ждали вас.

Мужчина вновь уставился на тело девушки, и Иван заметил, как слезинки собираются в уголках его глаз. Гратко отвернулся, иначе заплакал бы сам. Он не понимал причины такого сентиментализма по отношению к незнакомой девушке. В городе с почти миллионным населением, где каждый час совершаются дикие преступления, к трупам привыкаешь быстро. Ваня смотрел на тело и пытался представить того, или вернее то, что могло сделать такое. Он не пытался вникнуть в команды Виктора. Он не следил за работой оперативного персонала, он не хотел найти того, кто что-нибудь видел или слышал. Этим занимались другие, Ваня же пытался представить себе убийцу, или то существо, которое смогло это сделать. На мгновение ему на глаза попался эксперт, который шевелил губами, Иван вновь вернулся в реальный мир.

– ...даже не знаю, что вам сказать. – Эксперт сделал паузу, еще раз бросив взгляд на девушку, будто та могла что-то добавить. – Ударили ее мастерски, причина смерти, скорее асфиксия, но по первоначальной оценке это могло быть и кровоизлияние в мозг. Следов спермы на теле нет, то есть ее не насиловали в классическом понимании этого слова. Ран на руках нет, она не с кем не боролась. Волосы приклеены к коже, скорее всего обычным суперклеем, хвост тоже.

– Хвост? – подал голос Иван.

– Ну, – эксперт замялся, словно ему стало стыдно за свои слова. – Тот пучок волос между ягодиц, выглядит словно хвост, – он пожал плечами. – У меня пока все.

Он собирался уже покинуть трио, когда Семен остановил его вопросом.

– А в котором часу наступила смерть? – все это время он что-то стенографировал в небольшой блокнот, а теперь держал ручку на изготовке.

– Ближе к полуночи, – мужчина, ответив на вопрос, обвел троицу взглядом и, не услышав больше вопросов, удалился.

Иван снова посмотрел на девушку, что-то в ней было не так. И он не понимал что. Взгляд скользил по телу убитой, но это неуловимое «что-то» ускользало, как мыло в ванне. Виктор с Семеном вновь принялись за свою работу, оставив Ивана, как истукана, стоять на дороге, тело девушки уже уложили на носилки и заносили в авто.

– Надо пробивать таксистов, – сказал Виктор.

Эти слова стали кодовой фразой, которая вывела Ивана из ступора. Он не слышал, о чем до этого говорили Семен с Виктором, только последние слова привлекли его внимание.

– Таксистов? – переспросил Иван.

– Ну да, – хмыкнул Виктор. – Проработаем версию по Валере, но и другую исключать пока не будем. Может, захотелось какому-то уроду пикантности, видимо начал приставать. А она пригрозила, что заяву накает, вот он и трухнул да так, что не рассчитал силы.

– Точно, а потом он приклеил ей волосы и сделал хвост, да и били ее не здесь! – как во сне ответил Иван.

– Что?

Виктор прищурил глаза, и глянул на Семена, ища поддержки. Весь его вид так и говорил «что хочет от нас этот сопляк».

– Ее пытались изнасиловать не здесь, если вообще пытались!

– А где? Или ты думаешь, что я не заметил, что на ней почти нет грязи и пыли? Только тогда небольшая нестыковка выходит! Ее убили где-то в чистом месте, возможно в квартире, а потом привезли под самый дом? Совестьливый таксист? Так что ли? Зачем везти тело туда, где его сразу найдут?

Всю свою речь Виктор подкреплял взглядами в сторону Семена, ища одобрение своим доводам.

– Почему ты решил, что это именно таксист? И как тогда объяснить чистоту платья?

– Встань к капоту машины, я тебе покажу, как объяснить чистоту платья! Твое останется чистым! – прошипел Виктор.

Иван боковым зрением увидел, как на него косятся участковый и Семен. Ваня повернул голову в сторону начинавшихся улочек, ротозеи расходились по домам, подымая ногами облачка пыли на старой разбитой дороге. Иван еще раз осмотрелся, они находились в небольшой балке, в ложбине которой пролежала та самая ужасная дорога, а на склонах вдали, как грибы, размещались дома людей. Что заставило молодого мужчину закричать? Интерес? Или подсознательная догадка? Или просто он пытался установить полную картину ночи?

– А-а-а! – Ваня крикнул вполсилы, но легкий ветерок подхватил крик, склоны балки выступили резонатором.

Он заметил, как инстинктивно вжал в плечи голову Виктор, который уже успел отойти к машине. Видимо, он решил, что посрамленный психолог не выдержал и бросился на него. Люди же, которые подходили к первым домам поселка остановились и повернули головы в сторону разломанной трансформаторной будки. Остальные настороженно смотрели на странного парня. К Гратко подбежал Виктор.

– Ты чего разорался? – его глаза метали молнии, а ладони были сжаты в кулаки.

– Ее били не здесь, – Ваня грустно посмотрел в лицо мужчины и отвел взгляд. – Ведь ты меня понял? Правда? – психолог не счел нужным отвечать на вопрос оперативника и отошел в сторону.

– Круто ты это, – Семен кивнул в сторону Виктора.

– Что?

Ваня вздрогнул и испуганно глянул на товарища, словно снова погрузился в транс от увиденного. Казалось, нечто вырвало его оттуда на минуту для демонстрации, что даже единственный крик девушки, мог всполошить всю округу. Но криков никто вчера не слышал, а значит, в будку ее занесли либо уже мертвую, либо в бессознательном состоянии. А затем это же нечто снова погрузило психолога куда-то в глубокое подсознание. Семен заметил, как вздрогнул Гратко, заметил и бледность на его лице, и отрешенный взгляд.

– Ты как? Нормально? Картина конечно не из приятных, но ты вроде и похуже видел?

– Дарья беременна.

– Что?

Иван не стал пояснять. Семен напрягся.

– Дарья – это твоя бывшая? Она беременна? – почему-то перешел на шепот.

– Да.

– Это она тебе сказала?

Иван отрицательно замотал головой.

– Нет, я ее видел! – добавил он.

Семен оглянулся по сторонам, проверяя, кто может услышать их диалог. Рядом никого не оказалось.

– Ты что это? – он сделал паузу. – Ты следишь за ней?

– Что? – Иван недоуменно смотрел на собеседника. – Нет, конечно.

Глаза Семена расширились в ожидании пояснений. Иван громко выдохнул.

– Я видел ее из окна маршрутки, она шла по улице, и у нее был этот... – он показал руками живот. – Месяц уже большой, и живот как у этой...

Он осекся. Закусил губу. Сделал несколько глубоких вдохов.

– Я, как только вошел в этот сарай, я думал... блин, – глубокий выдох. – У них у всех у беременных похожи эти платья, я думал сначала, что это она...

– Ты же вроде ее забыл? – насторожено спросил Семен, внимательно изучая лицо Ивана. – Сколько уже прошло?

– Много, – огрызнулся в ответ. – И да, забыл, все нормально, просто, дурацкое совпадение. Вижу беременную жену, – он сплюнул, – бывшую, и тут эта девушка.

– Бывает и такое, главное, успокойся.

Иван не ответил. Да и не хотел этого делать. Женатому человеку, который прячется от жены, чтобы выпить бутылочку пива с друзьями и отчитывается за каждый час опоздания с работы, нельзя объяснить, как можно больше года помнить о бывшей. Он не поймет, он даже не догадывается о таких чувствах. Но страшнее всего Ивану как дипломированному специалисту было осознавать, что в реальности не все так гладко. Психологический абсурд разрастался в его голове, и пока Гратко ничего не мог с ним поделать. Да, он почти убедил себя в том, что за год чувства угасли, что она теперь не его жена, что она носит фамилию другого, что подаренное новым мужчиной кольцо охватывает ее безымянный палец. Иван думал и о том, что смирился и с тем, что она спит с другим. Ведь это нормально для семьи, это подразумевалось во всем, от ее ухода до нового замужества. И, конечно же, Иван знал, что она живет половой жизнью. Но вот несколько дней назад он увидел Дарью с животом, и вся теоретичность, которую он так тщательно выстраивал год и с которой, как ему казалось, он смирился и осознал, стала материальна. А именно, ее половая жизнь с новым мужем обрела документальное подтверждение. И доказательство этому – живот! Она беременна! Он оплодотворил ее! Он засунул в нее... Иван осекся. Заставил себя отвлечься, ведь кое-какие приемы профессии он знал. Он сумел пресечь свою фантазию на деталях физиологии, но объяснить себе, дипломированному врачу, почему факт беременности бывшей жены вызвал новую волну обострения, не смог. Не мог вот уже несколько дней. Это не давало ему покоя. Он детализировал, раскладывал по полочкам, мысленно смеялся над собственной глупостью, но затем впадал в ступор, когда не воспринимал ничего, кроме факта – она беременна. И это утверждение, как злой Арлекин, рушило все логические доводы и сводило на нет любой самоанализ. В этом страхе абсурда Иван и пребывал уже несколько дней.

– Пошли, наш пристыженный «первый сыскарь на районе» уже в машине. Сейчас начнет шипеть.

Семен снова вырвал Гратко из транса, и двое мужчин направились к автомобилю.

*_*_*

Они сидели втроем в кабинете начальника. Когда вся страна взяла курс на европейское развитие, и даже в сараях устанавливали пластиковые окна, а любая бабка могла с легкостью рассказать о типах ламината, то здесь царил дух прошлого. Темные тона, оббитые до середины деревом стены, тяжелые пыльные шторы, не пропускающие дневной свет. Завершали мрачный ансамбль массивная настольная лампа и дубовый стол. Такие столы стояли сейчас разве что в кабинетах директоров солидных банков и министерствах. Иван каждый раз хотел расспросить об истории этого предмета мебели, но каждый раз ситуация казалась не подходящей для такого вопроса. Вот и теперь глядя на сдвинутые брови начальника, под которыми сверкали глаза, ему показалось, что стоит повременить со своим любопытством.

Мужчина лет пятидесяти пяти с массивным телосложением и абсолютно лысой головой разогревался, готовясь к непростому разговору. Его мясистое лицо приобрело пунцовый оттенок, а в уголках большого командного рта собрались слюни, которые отчетливо контрастировали на красной коже. Ивану было неприятно смотреть на эту картину, но служебное, вернее рабочее, положение обязывало иногда устремлять свой ясный взор в лицо начальства. Звали начальника в звании полковник Кратов Николай Львович, но между собой подчиненные именovali его как Кролевич, из-за больших передних резцов и вытянутых ушей.

– Говори, Виктор, – наконец, озвучило свои мысли вышестоящее руководство, вытирая носовым платком слюни в уголках рта.

Та спесь, которая была фонтаном из Виктора на месте преступления куда-то испарилась, и теперь на стуле сидел кроткий студент с подрагивающими пальцами.

– На данный момент мы владеем следующей информацией, – он откашлялся, пытаясь уловить перемену в настроении начальства, а главное справиться со своим неожиданным фальцетом.

Полковник же, казалось, полностью сосредоточилось на платке с остатками выделений из собственного рта. Виктор продолжил.

– Личность потерпевшей установлена – это Летова Елена Станиславовна. Двадцать пять лет, работала учительницей русской литературы в пятьдесят третьей школе. Вчера в двадцать два сорок четыре вышла от подруги, та утверждает, что посадила ее в маршрутное такси номер триста сорок пять, красная “газель” с вмятиной на дверях салона. Водителя нашли, он заявил, что сломался через три остановки, раздал всем деньги и его оттянули в гараж. Проверили, все совпадает. Беременную девушку он не помнит. Больше никто о ней ничего не слышал. С тем, – Виктор сделал паузу, – юношей и его родителями поговорили. Ничего нового добавить они не смогли. Опрос жильцов близлежащих домов ничего не дал, никто ничего не слышал, отсюда и предположение, что убийцы привезли уже труп девушки в те развалины.

– Убийцы? – Ивана удивило, что Кролевич заметил это слово в докладе Виктора.

– Мы считаем, что их было как минимум трое, – закашлялся в конце фразы Виктор.

По его тону, всем стало понятно, что это предположение он придумал только что.

– На каких таких основаниях? – брови начальства вновь стали одной сплошной линией.

– На основании того, что ее нужно было быстро затащить в машину... – глаза Виктора уткнулись в пол, он прекрасно понимал, что это не аргумент в защиту его версии.

Это понимал и Кролевич, он нервно перебрал свое внимание на остальных гостей кабинета и стал изучать лица мужчин, прежде чем заговорить.

– А как со всем этим вяжутся приклеенные волосы, хвост?

Виктор молчал.

– А что нам скажет наша научная экспертиза? – слова полковника сочли сарказмом.

– Только то, что это был один человек, – Иван встретился взглядом с боссом и не спешил отводить глаза. – Возможно, с располагающей к доверию внешностью.

Начальник заулыбался, посмотрел на Виктора, затем вернул взгляд психологу и откинулся на спинку стула.

– Позвольте полюбопытствовать, на каких основаниях вы смеете выдвигать столь смелые версии?

– Как сказал Виктор к месту, где жила девушка ее привезли уже без признаков жизни. Зачем, если это была веселая компания отмороzków, им это делать? При этом она была почти мать, а именно самкой, которая вынашивает детеныша. Я прошу прощения за грубость, но ее инстинкты не позволили бы ей бродить по ночному городу в таком состоянии, и уж точно она бы держалась подальше от мужских компаний. Убийца же своим видом вселил в нее чувство безопасности, и она ему доверилась, отсюда внешность.

По глазам слушателей Ваня понял, что его немного занесло, он засмутился.

– Да, засиделся ты парень без работы, – начальник покачал головой, а на губах Виктора блуждала идиотская улыбка. – Тут у нас совдепия, страна Лохотряндия, а не юг Калифорнии с блуждающими маньяками. Весь твой дедуктивный труд рухнет о пьяную козлу, которая убила девчонку, возвращавшуюся домой...

– Убийца был один, – при этих словах Иван ударил ладонью по столу, от такого поведения у всех перехватило дыхание. – На теле пострадавшей не обнаружено следов мужского семени, а неужели в вашей версии среди трех ублюдков не нашлось хотя бы одного, который не захотел бы поиметь эту брюхатую сучку?

Рты у начальника и Виктора закрылись, как по команде. Никто не возразил в ответ.

– Убийца был один, – вновь продолжал Иван. – Она села к нему в машину сама! Если бы ее туда затащили силой, то вряд ли бы спрашивали домашний адрес!

– Тогда мы желаем слышать и мотив, – начальник вновь владел ситуацией и вернул себе утраченное спокойствие.

– Мы прорабатываем версию с таксистами, – встрял в разговор Виктор, боясь, что Иван первый скажет о ней. – Проверяем исходящие, а также всех операторов такси. Возможно, среди них есть кто-то невменяемый. Так же версия юноши и его семейства. Я так понял, что семья эта зажиточная, и она не особо рада раннему внуку и еще от учительницы сына. Эту версию отработаем параллельно.

– Это не такси и уж точно не семейка парня! Она не вызывала такси, ты же сам видел распечатку исходящих по ее номеру, а к частнику бы она не села, к стати телефон ее так и не нашли, при том, что кошелек не тронули, – Иван не смотрел в глаза собеседников, но четко произносил каждое слово. – С семейкой версия тоже выглядит странно. Зачем этот клей? Зачем относить тело к развалинам? Да и смысл такое делать, если уже все знают от кого ребенок!? Ее бы просто где-то закопали, а потом написали заявление о пропаже.

– Так может, как раз в этом и план, чтобы отвести от себя подозрение, – не убедительно заявил Виктор.

– И что это все тогда значит? – Кролевич сделал вид, что не услышал Виктора. – А главное, зачем тогда ее привезли почти под дом, и сделали черт знает что?

– Из той информации, которая имеется на данный момент, я не могу этого сказать, – Ваня вновь опустил голову.

– Короче, Холмсы хреновы, – босс решил прочитать напутственную речь. – Вы свои теории засуньте в ж.., мне нужны факты, улики, подозреваемые. Журналисты от нас не отстанут! Поэтому если дома у вас есть запасные задницы, то стоит их достать, они вам понадобятся, если через три дня вы будете продолжать пересказывать мне вшивые фильмы, вместо железной версии. А теперь идите работать.

Все встали, и успели сделать шага по три в сторону дверей, когда тяжелое сопение подчиненных вновь нарушил Гратко.

– Ее так посадили, чтобы мы знали кто она, а почему именно там? Чтобы мы узнали об этом как можно скорее! И только это!

Все замерли, испуганно глянули на психолога. Словно он не высказал версию происхождения, а громко испортил воздух в церкви.

– Что мать твою ты несешь? – полковник привстал над столом.

– Неужели вы еще не поняли? Она лежит, голова задрана, поводок, хвост?

Все молчали.

– Хорошо, я буду той сволочью, которая озвучит ваши догадки! Ее выставили сучкой! Нам это показали! Строгий ошейник-удавка! Что это? Она – норовистая, могла покусать, вернее, дать сдачу, ответить на обиду! Но! Запрокинутая голова, и положение лежа – это заискивание перед хозяином! Убийца ее знал, и хотел нам рассказать об этом же! Она была настоящей сучкой, которая любыми методами добивалась своего. Однако, тому, кто ее убил, удалось ее приструнить! И она из властной «снежной королевы» превратилась в заискивающую дворнягу.

– А телефон? – тихим голосом спросил Виктор.

– Телефон – мне кажется это попытка скрыть что-то важное.

– Но мы ведь получили распечатку от оператора связи с ее контактами. У тебя есть номера, но нет имен, адресов, а многие просто не станут брать трубку, если ты начнешь прозванивать с незнакомого им номера. Так что частично убийце удался замысел. Он если не обрезал, то довольно сильно спутал нити, которые привели бы нас к разгадке.

Иван задумался.

– Но что тебе не нравится в твоём бреде? – злился Кролевич.

Иван пропустил обидные слова.

– Я не могу понять, зачем убийца сообщает нам о ее характере?

– Зачем? – впервые за всю встречу сказал Семен.

Иван вздрогнул, пожал плечами и вышел из кабинета. Оставшиеся трое настороженно переглянулись и отвели взгляды, словно застали друг друга за просмотром порно на рабочем месте.

Что-что, а работать в тот день Иван не смог. Вернее, не смог выполнять привычные для него функции, такие как разборка письменных жалоб граждан. Хотя какие сейчас граждане – господа. Куда не глянь сплошные господа! Мочатся в подъездах господа, мусор выбрасывают в окна господа, водку жрут господа. Его порой так бесила реклама, где хорошо поставленный голос произносил «только для солидных господ». Он лично видел как вот такие солидные “господины”, вылезая из крутых иномарок с выглядывающими пупками сквозь не сходящуюся рубашку, смачно плюют себе под ноги, и, зажав барсетку под мышку, направляются в магазин. Он видел, как эти же господа не могут сказать пару завершенных по смыслу предложений, но довольно бойко обкладывают нерасторопную продавщицу семиэтажным матом, выдумывая такие обороты, что не заучишь с первого раза.

Иван сидел в своем кабинете и немигающим взглядом буравил точку на противоположной стене, где-то за окнами шумел город, ходили люди, а у него перед глазами лежал труп беременной девушки. Гратко не пытался строить какие-то схемы, мысленно рисовать образ убийцы, для этого у него было слишком мало материала. Он лишь пытался понять, чем движим человек, чтобы убить девушку, да еще с маленькой жизнью внутри нее.

Иван снова и снова натывался на банальные фразы пособия юного следопыта. Для того, чтобы поймать или выследить преступника – нужно думать как он, видеть как он, дышать как он. Ваня прекрасно это знал и понимал, вот только смириться с таким превращением не мог. У него не было сомнений, что если пожелает, он сможет перевоплотиться в то чудовище, убившее девушку. Проблема заключалась в другом, сможет ли он стать прежним. Эти, казалось бы, пустые мысли тревожили его разум. Однако как не противно было в этом признаваться, но существовал от этих неприятных рассуждений один позитивный момент. Пока он думал о монстре, убившем беременную девушку, о том, что ему самому предстоит примерить облик этого чудовища, психолог не думает о зеркале, о Дарье, о все том, с чем пора давно проститься. Теперь он решил твердо. Он выбросит зеркало из ванны, он сожжет все фотографии, он обнулит свои воспоминания, он перестанет жить прошлым. С этим решительным настроем он поднялся и вышел из кабинета. Вставил ключ в замочную скважину.

– Здравствуйте, Иван Сергеевич.

Женский голос за спиной оказался знакомым, но от неожиданности Иван вздрогнул. Повернулся, так и не успев, закрыть двери. Перед ним стояла девушка лет двадцати пяти. Уборщица Лиля. Ростом чуть ниже Ивана, с красивой фигурой, брюнетка. Волосы обрамляли слегка удлинённый овал лица с высокими скулами и бледной кожей. Эту бледность подчеркивали алые аккуратные, совсем не девичьи, губы и такие же черные, как и волосы, тонкие длинные брови. Она была красива, но скорее красива, как злая мачеха из сказки о Белоснежке. Такая жесткая красота. Типичный образ прекрасной стервы. И с этим образом никак не вязался синий халат спецодежды, резиновые рукавички и швабра с мокрой тряпкой. Ей бы сидеть за рулем «красной иномарки» в норковой шубке и в «лабутенах», но она стояла перед ним, мило улыбалась и излучала доброту.

Она всегда была добра к Ивану, с первого дня. Не смотря на то, что они были почти одногодки, Иван всегда воспринимал ее как добрую тетюшку. Именно Лилия помогала разгребать завалы в кабинете, отмывать стены и снимать паутину с потолка. С ней он говорил много, в том числе и о том, как ему неуютно в коллективе. И она всегда внимательно слушала. Быть может, только благодаря ей и Семену, Гратко до сих пор оставался в этих стенах, смиряясь с насмешками, рутиной и неблагодарностью.

А еще жила в ней какая-то загадка, как и в столе Кролевича. И даже не в самой Лиле, а в шраме на ее лице, который объяснял почти все: и несоответствие образа стервозной красавицы с кротким нравом, и резиновые перчатки, и отсутствие норкового манто. Этот рубец, который в своем роде предрешил судьбу молодой женщины, брал свое начало над левой бровью и тянулся почти до середины левой щеки. Поэтому если вы находились по правую руку от Лили, перед вами стоял ангел неземной красоты, нисшедший до разговора с вами, но стоило вам перейти на левую сторону, белая борозда кожи возвращала вас на землю. Она не выглядела безобразно, но становилось понятно, почему работает именно тут и старается меньше говорить с людьми.

Иван моргнул, заставляя себя смотреть в глаза девушке, а не на шрам. Он давно уже признался себе, благодаря цинизму, который выдавался каждому работнику этого здания вместе с пропуском, что его не интересуют люди как целостный образ. Его интересовали детали. Этот рубец, как магнит притягивал взгляд Ивана.словно серия сериала, закончившаяся на самом интересном, теребила разум Гратко вопросом не о том, что будет дальше, а что было до этого. Откуда на лице красивой девушки появилась эта отметина? Гратко вздрогнул, пауза затягивалась.

Лиля, держащая в правой руке швабру с тряпкой, с которой капала вода, мило улыбнулась. Хотя, милой стала правая половина лица. На левой – белый шрам покрылся маленькими морщинками и стал походить на большого морского червя с огромным количеством ножек. Иван, в который раз попытался отвести взгляд от шрама, но глаза, как привязанные, натекли на изъясн.

– Фух, ты меня напугала, – ему удалось посмотреть в темно-карие глаза девушки.

– Что много работы? Все уже ушли.

Теперь стоило и ему задуматься над ответом, он целый день просмотрел в одну точку, можно ли было назвать это работой? Ваня вяло улыбнулся, представив, что сказал бы по этому поводу начальник.

– Ты когда заканчиваешь? – Иван вышел из ступора и задал неожиданный вопрос.

Лиля опешила и сделала шаг назад, на ее лице появилось непонимание.

– Около девяти, – не уверено ответила она, стараясь скрыть свое смущение.

Ваня забыл о своем желании вычистить дом и разум. Бравый настрой развеялся, как только он покинул кабинет. Теперь Гратко боялся возвращаться в свою квартиру, он точно знал, что уснуть сегодня ему не удастся, поэтому хватался за любую возможность отсрочить миг щелчка замка в пустом помещении.

– Ваня, ты идешь?

Этот раскат грома вновь заставил психолога вздрогнуть, он глянул в сторону звука и увидел Семена, стоящего в конце коридора.

Несколько секунд Иван сомневался, а затем мило улыбнулся Лиле, как бы извиняясь за свой недавний вопрос, кивнул на прощание, повернул ключ в двери и зашагал по коридору. Они вышли на крыльцо, Семен автоматически зажал в губах сигарету и склонился над пламенем зажималки, Ваня отрешенно уставился на окружающий мир.

– Классная телка, если бы не шрам... – с этими словами Семен выпустил струю дыма.

В целом, Иван считал Семена единственным нормальным мужиком во всем отделе, но иногда тот, как в подтверждение общеизвестного факта, что все мужики сволочи, становился полным дураком. Ваня непонимающе посмотрел на коллегу. Тот сделал еще одну затяжку, хитро подмигнул и продолжил свой монолог.

– Жалко девчонку, такие формы и пропадают, наверно еще не опробована?

– Так ты платочком ей лицо накрой, или представь, что под тобой твоя Светлана и действуй, – Ваня решил изображать такую же сволочь.

Это ему удалось, его слова долетели до собеседника, когда тот делал очередную затяжку, Семен подавился дымом, закашлялся, превращаясь в красный помидор с выпученными гла-

зами. Он был женат, и не просто женат, а на крупной девушке с близлежащего поселка с зычным голосом и суровым характером. Ивана так и подмывало узнать причину столь необычного выбора своего сослуживца, но все время его чувство такта сдерживало парня, чтобы не спросить об этом напрямую. Трудный день сыграл свою роль, и Ваня был зол на всех.

– А еще лучше поверни ей голову другим боком, так вообще шикарный агрегат получится, – не успокаивался он.

– Да пошел ты!

Семен выбросил окурок, надул губы, как школьница. Он уже решил оставить товарища одного, начав спускаться с крыльца, но Гратко остановил его окриком.

– Семен! Поймай, – Иван сделал несколько шагов вниз, догнав собеседника. – Ты ведь сам виноват, такую мерзость начал нести.

– Я понял, проехали. Но больше не надо мою Светлану сюда приписывать.

Обида еще оставалась на его лице и в голосе, но глаза вновь стали добрыми. Иван усмехнулся, и понял, что перед ним большой ребенок, и что именно, такая как Света нужна такому мужчине.

– По бутылочке пива?

Ваня внимательно следил за борьбой соблазна с наставлениями благоверной, которая отображалась на лице товарища.

– А, давай, – Семен махнул рукой, и они зашагали к ларьку.

Осень выдалась на удивление жаркой, даже сентябрьские ночи еще не приносили спасение, поэтому, проведя целый день в кабинетах без намека на кондиционирование, двое мужчин с неким трепетом держали в руках запотевшие бутылки с хмельным напитком. Они стояли в тени огромного тополя, глядя в никуда и думая каждый о своем. События утра не располагали к шуткам, но говорить снова о них не хотелось. Вот так молча, Семен и Иван пили пиво.

– Ты никогда не задумывались над тем, что заставляет взрослых мужчин, посвящать свою жизнь служению господу?

Семен вздрогнул, поперхнулся пивом и испуганно посмотрел на психолога. Тот даже не глянул на собеседника, все так же задумчиво смотрел в пустоту, держал возле рта бутылку, словно говорил в микрофон. Он продолжил, не ожидая ответа Семена.

– Почему некоторые из них, лишая себя многочисленных мирских усад, закрываются в монастырях, облачаясь в рясы? Нет, я не верю в то, чтобы нормальный мужик, пришедший с работы, съев свой честно заработанный ужин и хлопнув жену по пышному заду, вдруг решил, а не уйти ли мне в монастырь. И вот через некоторое время это уже не сосед Вася, а отец Василий со степенными манерами и приобретенной солидностью как в теле, так и в речах. Вот ты веришь в прозрение наркомана или вора, открывших в себе бога? В моих словах много богохульства или нездорового скептицизма, который недопустим в данном случае? Но ведь это как минимум забавно, сегодня ты изнасиловал тринадцатилетнюю девочку, а затем после месяца тюрьмы даешь интервью какому-то провинциальному репортерешке, который забивает недостающие несколько тысяч слов в очередном выпуске газеты. И вот появляется статья о мученике, который полон терзаний, ведь вчера перед отбоем он вдруг открыл для себя бога. Это прозрение перевернуло его мировосприятие, и он уже не тот гад, который тушил бычки о гениталии девочки, а глубоко раскаявшийся грешник, пример для нас “заблудших овец”, работающих по шестьдесят часов в неделю и не уделяющих времени на спасение собственной души. В нем живет господь, а в нас искушитель, который требует гребаных утех, новый мобильник, одежду поприличней для жены и новый велосипед детям. Почему все так?

Гратко закончил так же резко как и начал. Опустил глаза, и даже не глянул на товарища. Словно он находился на исповеди, высказался, а наставлений ждать не стал. Семен хотел ответить, но понял, что ответа от него не ждут. Замялся. Какое-то время молчали, пока допивали уже теплое пиво.

– Ну, что пойдём?

Семен как-то нерешительно задал свой вопрос, глядя на задумчивое лицо собеседника.

– Да, конечно.

Через несколько метров Семен пожал руку товарищу и свернул на тенистую аллею, ведущую к его дому, Иван же зашагал дальше сам. Проходя мимо церквушки с баллонами вместо колоколов, он надеялся еще раз увидеть священнослужителя, но дворик пустовал, а из открытых дверей слышалась музыка и пение большого количества человеческих голосов. Непонятный соблазн зайти внутрь охватил Гратко, он даже сделал несколько шагов в сторону церквушки, но затем резко повернул и зашагал прочь.

Замок привычно щелкнул, Иван открыл двери квартиры и зажег свет. Каждый день, возвращаясь с работы, он непонятно почему надеялся на какие-то изменения в обстановке. Он просто жаждал увидеть сдвинутые на пару сантиметров тапочки, или переложенную на другое место грязную рубашку или что-либо, что изменило свое положение за время его отсутствия, но... Но все упорно оставалось на местах. Гратко усмехнулся и направился на кухню, только теперь он вспомнил, что хотел зайти в магазин, так как холодильник пустовал еще со вчерашнего дня. Но вновь выходить на улицу пусть даже за съестным психолог не захотел. Ужин оказался аскетичным: корка засохшего хлеба и чашка полусладкого кофе.

Иван лежал на кровати, глядя на свет уличного фонаря, который заливал потолок его спальни. То ли кофе действовал на его организм, то ли голод, но спать не хотелось. Он более часа изучал узор на потолке, стараясь уловить нить всевозможных мыслей, которые хаотично металась в голове.

Он ничего не сделал из того, что запланировал еще в кабинете. Перед тем как оказаться в кровати он в ванной долго изучал трещину, затем положил руки на зеркало, и даже снял его с гвоздя, но так и держал над раковиной. Держал до тех пор пока не заболели плечи, еще бы минуту и он уронил бы его на пол, и быть может одной проблемой стало меньше, но руки сами осторожно навесили зеркало снова на гвоздь. Иван выругался и решительно направился к небольшой кладовке. Пока пересекал коридор и комнату родительской «хрущевки», убеждал себя в том, что зеркало ему еще пригодится хотя бы для поддержания собственного эстетического вида.

«А как бриться? А как расчесываться? Вот завтра же, хотя нет, после получки через неделю, зайду на рынок и куплю новое зеркало в ванну и тогда, это выброшу!» – уговаривал он себя.

Иван решительно распахнул двери кладовки. Взгляд взметнулся по полкам и заметил край картонной коробки. Та выглядывала из-за пакета со старым спортивным инвентарем. Нужно было протянуть руки и взять ее. Не требовалось времени на поиски, не нужен был стул. Вот она. Коробка с прошлым. Стоит на том же месте, куда он ее поставил год назад. Ничто в кладовке, да что в кладовке, в квартире, в целом мире не мешало ему, снять ее и вынести на свалку. Боковым зрением он даже заметил жидкость для разведения костров, которая хранилась тут с очередного пикника.

«Тебе даже не нужно туда заглядывать, ведь за год, что бы там не лежало кроме фотографий совместной жизни, это тебе не нужно!» – логично рассуждал Гратко. – «Бери ее сейчас, бери эту жидкость и неси все на свалку, облей и спали, если не зеркало так коробку! Начни с чего то! Действуй!»

Иван не шевелился еще несколько минут, пока не затекла шея, стоять с высоко запрокинутой головой. А затем его руки аккуратно, закрыли дверцы шкафа, словно он боялся потревожить мирно спящее дитя, имя которому «прошлое».

И вот теперь психолог лежал в кровати и смотрел в потолок, пытаясь то ли заснуть, то ли навести порядок в мыслях. Считать баранов не получалось. Тогда он решил прибегнуть к

проверенному способу. Отвечать на вопросы, на которые в принципе не существовало ответов. Еще в детстве он задал себе один простой, как ему казалось, вопрос о том, зачем люди живут?

Только с возрастом он понял, что последние три тысячи лет все великие мыслители только и делали, что пытались ответить на это. Тогда же он с легкостью ответил. В период одиннадцати лет Ваня решил, что хочет получить на день рождения железную дорогу. С этими мыслями он продолжал жить до знаменательной даты. После, когда железная дорога была добросовестно разобрана до болтика, вопрос о смысле жизни вновь начал тревожить его разум. Тогда все уперлось в поездку на море, где он до того момента не был ни разу. И так до бесконечности, он жил ради какой-то простой цели, которую затем сменяла другая, третья, четвертая, вплоть до старших курсов вуза. Затем все это исчезло за вереницей “взрослой” жизни, и вот теперь этот риторический вопрос встал перед ним снова. Иван, лежа в темноте, попытался сформулировать свой нынешний ответ – что держит его тут? Жить ради детей, построенного дома и выращенного дерева? Это как шпаргалка для людей, лишенных фантазии, жить ради других – глупо и несовременно. Так ради чего? Чтобы оставить после себя след? А нужно ли это ему, чтобы кто-то заметил его след, ведь, по сути, Ивану абсолютно все равно, что будет потом. Так что заставляет его каждое утро через силу идти на работу, встречаться с ужасными вещами, от которых просто хочется блевать? Что заставляет его выслушивать нотации начальства за мизерные подачки государства, которых хватает лишь на то, чтобы утром хватило сил дойти до работы? Зачем все это? Зачем? Страх!? Этот неожиданный ответ возник из ниоткуда. Да, страх! Именно, страх! Только перед чем? Перед тем, как в одно прекрасное утро планета Земля не досчитается в живых еще одного обитателя, или начальство на утрешнем рапорте не увидит его лица, или продавщица в ближайшем магазине продаст на одну булку хлеба меньше? Так за это можно не беспокоиться равновесие жизни не пошатнется ни на миллиметр, о нем вспомнят буквально на пару секунд, чтобы сказать: “Вот, блин, а вчера он выглядел нормальным. Я еще с ним разговаривал”. И все. Большого не жди. Да, и ему в тот момент уже будет все равно. Тогда чего он боится, если жить стало просто лень? Боится ли он того, что ждет его потом? А есть ли то потом? А нужно ли его бояться? Иван понимал, что простой детский вопрос вытянул за собой на свет много непонятного, на что никто не мог ответить. И в тот же момент он вновь возвращался к тому, чтобы хоть что-то удержало его на этом свете. И так, прячась за стеной мыслей, к нему пришел долгожданный сон.

*_*_*

Утро началось, как и вчера, только теперь в голове вертелся на один неразрешенный вопрос больше. Иван вышел из подъезда и прищурился от лучей раннего утреннего солнца. Пятница, очередная пятница, сколько подобных он пережил за последний год. Пятницы, четверги, понедельники, которые были похожи один на другой, как две капли воды. Они создавали иллюзию нескончаемого дежавю. Эта цикличность действовала на нервы лучше любой камеры пыток, разлагая мозг на кашу, не способную не то, что генерировать какие-то мысли, а просто оставаться сами собой. Ваня направился к газетному ларьку, делая небольшой круг по пути на работу. Он не читал газет, относя их к разряду напечатанных сплетен и перекрученных фактов, для повышения тиражей и привлечения денег рекламодателей. Но в это утро он все-таки купил свежий номер городского вестника. Просмотрел обложку, на которой среди огромных букв липовых сенсаций и громких новостей, была небольшая сноска на пятую страницу, о зверском убийстве беременной учительницы. Сегодня это была лишь только пятая страница, но что-то недоброе подсказывало, что скоро первая страница любого печатного издания области будет посвящена их команде. Откуда у него появилось такое предчувствие, Иван не знал, но и полностью избавиться от этих мыслей не мог. Гратко открыл газету и пробежался по статье глазами.

Журналист рассказывал о страшной находке, не стеснясь вставлять собственные догадки и поливая грязью милицию за полную профнепригодность. Он приводил массу заплес-

невеших фактов вплоть до одиннадцатого века о том, что подобные убийства, как правило, остаются не раскрытыми, и завершал свой опус очередной нотой негодования в сторону правоохранительных органов. Иван никогда не причислял себя к защитникам правопорядка, и его не задевали такие нападки, но побывав на месте преступления и зная, что зацепиться действительно не за что, мысленно причислил этого журналиста к враждующему клану.

Ваня скомкал газету и выбросил ее в первую попавшуюся урну. Только теперь заметил, что на автопилоте, читая статью, прошел большую часть пути. Сейчас он находился рядом со знакомой обителью божественного духа. Гратко непроизвольно всматривался в окна здания, в котором почитался лик божий. На порог вышел все тот же мужчина, который вчера красил опоры для колоколов. Их взгляды встретились, и голова священника кивнула приветствие. От такого поворота событий Иван вздрогнул, но на приветствие ответил кивком, затем ускорил шаг, пытаясь избавиться от ощущения, что за ним внимательно наблюдают.

Иван вошел во двор розыска и вновь наткнулся на беременную дворнягу. Сегодня она казалась толще. Гратко прогнал от себя эти мысли, понимая, что за сутки такой разницы невозможно заметить. Но глаза не хотели соглашаться с разумом и видели то, что беременная сука стала толще. Она вновь пристально смотрела на человека, выворачивая душу наизнанку взглядом черных глаз, и вильнула хвостом. Иван вздрогнул и отвел глаза в сторону, собака то ли зарычала, то ли кашлянула. Глаза мужчины вновь встретились с ее. Если с самого утра на душе было тревожно, то теперь стало омерзительно. Гратко решительно обошел животное и зашагал к двери, поймав себя на том, что ощущает на себе чужой пристальный взгляд.

Дежурный на входе кивнул. Иван ответил на приветствие и зашагал к своему кабинету. Чья-то заботливая рука воткнула в дверную щель чуть выше замка конверт. Гратко взял послание, вошел в кабинет, уселся и достал из конверта фотокарточки с места преступления. Долго смотрел на лицо девушки и не мог понять, что его беспокоит. Она была красива, и даже мертвой она не потеряла своей привлекательности. На ней почти не было косметики, глаза закрыты. Казалось, Иван рассматривает снимки в каком-то глянцево-м журнале, если не обращать внимания на синяки на шее жертвы. Глаза снова и снова всматривались в снимки, но найти причину того, что кажется ему неправдоподобным, Иван не мог. Сколько он так просидел Гратко не знал, но только через какое-то время раздался телефонный звонок.

Психолог вздрогнул, схватил трубку. Секретарь уведомила о совещании через двадцать минут в кабинете полковника. В трубке слышались гудки, а Иван продолжал держать телефон возле уха.

– Итак, господа! Я жду от вас прозрений и блестящих открытий. Начинай Семен.

Они сидели вчетвером: сам Кролевич, Семен, Виктор и Иван. Места распределили, как и на вчерашней промывке мозгов, и самое печальное с тем же набором фактов и версий. Семен, пару раз кашлянув, начал что-то доставать из папки.

– Мы получили результаты вскрытия, медэксперты не обнаружили следов химических веществ. Ее не усыпляли и ничем не травили. Женщина скончалась от удушья, на виске слева присутствует гематома. Вероятнее всего, нападавший ударил девушку в висок, а затем накинуд удавку. Под ногтями ничего нет. Следов побоев, кроме указанных, нет. Следов изнасилования нет. Волосы приклеены обычным суперклеем, который можно купить в любом ларьке. По ошейнику тоже ничего нет, самая дешевая версия, отследить невозможно. Вот в принципе и все, что мы имеем.

Семен виновато опустил голову, ожидая шквала негативных эмоций, но полковник молчал, медленно покрываясь красными пятнами. Взгляд Николая Львовича тяжелел, пригибая к столу головы подчиненных.

– У кого-нибудь появились какие-то новые версии или предположения за минувшую ночь? – Кролевич, в который раз обвел всех взглядом.

Все молчали и старались не встречаться с глазами начальника. Действие, разворачивающееся в кабинете, было подобно сложному уроку в средней школе. Когда учитель-садист, буравя взглядом притихший класс, пытается найти камикадзе, который пойдет отвечать домашнее задание. При этом он иногда поглядывает в открытый журнал, бормоча себе под нос фамилии учеников в алфавитном порядке.

Кролевич остановился на Иване, который немигающим взглядом пытался проникнуть сквозь стену.

– А что наш психоаналитик молчит? – мерзкая улыбка заиграла на лице полковника. – Может, у вас появились новые более фантастические идеи или даже версии, мы с удовольствием послушаем их.

Глаза Вани стали осмысленными. Глянул на начальника, и улыбка на лице последнего сошла. Тот попытался пересмотреть подчиненного, но вздрогнул так, словно открыл окно морозным утром. Кролевич не выдержал и отвернулся.

– Убийца ездит на фургоне!

Эти слова вырвались изо рта Ивана неожиданно даже для него самого. Язык опередил мысли. Гратко растерялся. Все удивленно уставились на парня, тот обвел присутствующих взглядом и к большому удивлению не заметил ни одной ехидной улыбки.

– Вы обратили внимание на одежду убитой? – Иван заговорил. Точнее мыслил вслух, внимательно слушая каждое слово. – Легкое летнее платье, немного бесформенное, как и у всех беременных, но оно осталось чистым. То есть на нем не было пыли и грязи из той трансформаторной будки. Значит, ее ударили, поймали тело, положили на чистый предмет, и затем проделали все остальное! Даже очень сильный человек не сможет душить и одновременно держать тело девушки, чтобы оно не коснулось земли. Значит, душил он ее в машине, но это снова риск, а главное неудобно. Скорее всего, убийца оглушил жертву, затем перетянул ее в фургон, где оказался в полной безопасности, и уже там спокойно закончил. Затем вернулся на место водителя, привез тело ближе к дому жертвы. Аккуратно положил девушку на камни и...

Иван снова мысленно оказался там, в трансформаторной будке.

«Что ты сделал еще?» – Гратко мысленно спросил в пустоту. Уверенность в том, что убийца сделал что-то еще, чего никто пока не заметил, крепла в психологе с каждой минутой. Это что-то было и на фото, на которые он пялился полдня, и чего так и не увидел. Иван, что называется завис, и никто из присутствующих не осмелился вывести его из этого состояния. Гратко вздрогнул, моргнул. Внимательно оглядел присутствующих пытаясь понять, как восприняли его слова остальные. Все молчали. Изучая их задумчивые лица, он понял, что в этот раз его не поднимут на смех.

– Тогда начнем просматривать базу данных ГАИ? – Семен нарушил всеобщую задумчивость и уже напрягся для того, чтобы встать со стула.

– Бесплезная работа! – отрезал Иван.

Психолог потерял свою мысль о том, что пропустил какую-то значительную деталь, и переключился на дальнейшее обсуждение.

– Таких машин в городе как минимум тысячи три, можно конечно проверить все, но шансы на успех почти нулевые. И не факт, что машина зарегистрирована в нашей области, а это значит, что наши поиски увеличатся раз в сто, как минимум.

– Что тогда предлагаешь? – полковник, казалось, забыл свой недавний сарказм и с надеждой смотрел в лицо Ивану.

– Ждать и надеяться на удачу, – глаза парня превратились в лукавые щелки, а на губах появилась злая ухмылка.

Это произвело эффект, как хлопок в ладоши опытного гипнотизера, после которого все просыпаются ото сна. Последняя фраза снова нагнала красные пятна на лицо начальства.

– Чего ждать?!

Кролевич ударил ладонью по столу, тяжелое пресс-папье подпрыгнуло на сантиметр.

– Ты что хочешь сказать, что у нас завелся маньяк? – спросил полковник, шепотом пронося последнее слово.

Двое коллег Ивана потупили взгляды. Начальник озвучил самые гадкие предположения всех присутствующих. Каждый в этой комнате, имея определенный опыт работы в розыске, уже прикидывал, как худший вариант развития событий, серийность. Теперь же начальник стал той “вороной”, которая накаркала худшее.

Иван не отвечал, он все также ухмылялся, и казалось, полностью отключился от мира сего. Кролевич переключился на остальных, решив, что от психоаналитика больше ничего не добьется.

– Так, слушай мою команду, никакого общения с прессой, никаких неосторожных, а главное необдуманных заявлений. Главная версия та же – группа пьяных отмороzków затащила девушку себе в машину, и задушила. Сдадите все свои дела и занимаетесь только этим убийством, и запомните, что в ваших интересах, чтобы найти виновных. Все! Свободны.

Иван возвращался к себе в кабинет с задумчиво-отстраненным видом. Это собрание не принесло ни крохи новой пищи для мозга. Ни одной зацепки. Был труп красивой девушки, находящейся на восьмом месяце беременности и все. Выдвинутая Иваном теория о наличии фургона у преступника, казалась теперь лишь логической выдумкой.

Иван вздрогнул и остановился. Эта мысль казалась не выдумкой, это прозвучало, как план. Так бы поступил он, если бы захотел убить. Ваня точно не знал, как он бы заманивал девушку к себе в машину, но делал бы он это в фургоне. Максимум удобств, минимум риска. Как же все обстояло на самом деле, покажет время. А пока единственным правильным решением оставалось ждать и надеяться на то, что в следующий раз, а он, непременно, должен произойти, убийца допустит ошибку.

Иван относил таких людей к роду наркоманов, которые один раз убив, становятся зависимыми. Они не могут существовать без этого. Им жизненно необходима та боль, то страдание, та беспомощность жертвы.

Иван подошел к кабинету, ключ сделал полных два оборота и полумрак небольшой комнаты поглотил человека. Тот не стал включать свет и раздвигать шторы, закрыл за собой двери и почти в полной темноте дошел до кресла. Фотографии, которые он оставил на столе, так и лежали веером, только картинки на них не было видно. Пялиться дальше в снимки было бессмысленно, пока что он не замечал того, что хотел сказать убийца. Но не было и сомнений в том, что тот хотел что-то сказать, а главное уже сказал. Иван закрыл глаза. Казалось, еще немного и он услышит крики девушки. Стоп. А были ли крики? Этот вопрос возник только сейчас. Душила ли сволочь жертву в бессознательном состоянии или дождалась, когда та придет в сознание? Иван не мог этого объяснить, но в тот момент он улыбнулся. Улыбнулся не от радости, а хищно, обнажая левый ряд зубов. Он знал ответ на свой вопрос, и это его тешило. Конечно, убийца дождался пока девушка придет в себя.

Тот урод сидел в полумраке фургона и смотрел, как сознание медленно возвращается в тело жертвы. Он улыбался, потирая руки и сдерживая дрожь в коленях от нетерпения, предвкушая забаву и истинное наслаждение, в сравнении с которым, секс был сродни профилактическому массажу в местной поликлинике. Вот она застонала, поджала ногу, в этот момент легкое платье было уже на уровне пояса, демонстрируя не совсем эротичное, но удобное, белье беременной. Вот она застонала громче, приподняла голову. На виске слева уже появилась гематома. Быть может, жертва даже дотронулась до уха. И вот она открывает глаза, и пелена сна в них сменяется занавесом страха и непонимания. Она глотает воздух, пытаясь вспомнить события прошедших нескольких часов, в глазах уже пылает полноценный ужас, и жертва пытается закричать.

Иван вздрогнул, холодный пот покрывал его тело, руки дрожали, а во рту пересохло так, что язык прилип к небу. Что это было? Сон? Неужели он заснул? И что тогда его разбудило? В этот момент в двери постучали вновь.

– Да, – откликнулся Ваня.

Двери приоткрылись, стучавший опешил от полумрака и не спешил входить.

– Кто там? Входите!

Двери открылись шире, на пороге стояла Лилия. В руках она держала швабру и ведро.

– Все уже разошлись, я подумала, что давно тут не мыла пол, кабинет постоянно закрыт. Я помешала? – спросила она. – Можно включить свет?

– Да-да, то есть включи, но ты не помешала, я тут задумался просто.

При щелчке выключателя, Иван вскочил с кресла, осмотрел кабинет в поиске забытых вещей.

«Неужели ты заснул?» – спрашивал себя психолог мысленно. – «Хорош работник, мало того, что проспал весь день, так тебя никто и не хватился! У вас убийство, все отделение на ушах, у всех задницы в мыле, а ты спишь с обеда до вечера, и этого никто не замечает! Что бы это значило? А? Догадываешься? Есть этому правильный психологический термин, когда сомневаешься в необходимости собственного дела?»

Лиля тем временем подняла единственный стул, подготавливая небольшую площадь комнаты к уборке. Иван же все еще стоял оловянным солдатиком, глупо оглядываясь по сторонам.

– Это она?

Вопрос уборщицы заставил его вздрогнуть.

– Что?

Иван проследил за взглядом девушки, и теперь тоже смотрел на верхнее фото. На нем – лицо девушки, и как бы сказали критики, фотографу особенно удалось передать цветовую гамму синяков на шее жертвы.

– Красивая, – задумчиво проговорила Лиля.

Иван сглотнул и посмотрел на уборщицу. На миг ему показалось, что шрам на лице девушки шевелится сам по себе. Словно эта белая сороконожка сжимает и шевелит своими лапками-морщинками. Словно какой-то паразит пытается залезть в голову Лиле. Он проталкивается сквозь маленькое отверстие где-то на виске девушки, и у него это получается.

– Жаль, конечно, – добавила уборщица.

Иван сглотнул. Обошел Лилю и вышел за порог кабинета.

– Я, наверное, пойду, – попытался уйти психолог. – Ключ тебе оставляю, а ты потом дежурному отдашь?

– Я быстро, что тут мыть, – она улыбнулась, поворачиваясь к нему стороной без шрама.

Этой улыбке Иван не смог отказать. Девушка тем временем, ловко натянула полупрозрачные медицинские перчатки. Поймала удивленный взгляд психолога.

– Это я у экспертов целую пачку взяла, все равно через начальство не выбьешь для уборки, а эти даже лучше, плотнее на руке сидят, почти не мешают.

Иван только кивнул. Лиля тем временем утопила тряпку в ведре, отжала и стала мыть пол. Гратко невольно засмотрелся на наклонившуюся девушку. Даже под синим рабочим халатом уборщицы, ее фигура пробуждала совсем «не чистые» помыслы.

– Я водичку сменю, еще буквально пять минут, и все.

Иван вздрогнул, а девушка бросила на пол отжатую тряпку и оперла швабру на стену. Она прошла мимо психолога и зашагала в туалет с ведром грязной воды. Гратко мотнул головой. Ему нужно было поспать, и поспать нормально в кровати, всю ночь, а не изучать потолок до четырех утра, а затем проваливаться в сонную бездну прямо за столом. А еще его почему-то привлекла отжатая тряпка на полу. Он сам и довольно часто, как для холостяка, мыл полы у

себя дома, но такого идеально скрученного валика у него никогда не получалось. Иван настороженно глянул в сторону коридора, где за дверьми мужского туалета скрылась Лиля, и шагнул в свой кабинет на влажный пол. Он присел над тряпкой, словно это была мина, с тикающим таймером, и медленно протянул руку. Зачем он это делал? Ваня не понимал. В последнее время он сам себя удивлял.

Подрагивающая кисть опустилась на скрученный валик. Пальцы надавили на ткань, мягкой податливости Иван не почувствовал. Скорее он ощущал разбухший от воды кусок древесины. Он услышал, как кто-то приближается по коридору и вскочил на ноги. За спиной звякнуло ведро.

– Лилия, извини, я совсем забыл, мне фото надо вернуть, я вот зашел, – затараторил Гратко.

Он выскочил из кабинета.

– А фото? – спросила девушка, когда психолог уже стоял рядом с ней.

Фото с красивой задушенной девушкой по-прежнему лежали на столе.

– Подай, пожалуйста, чтобы я не топтал своими грязными ногами, – Иван чувствовал, как уши жгут голову.

Лилия внимательно посмотрела на парня и шагнула в кабинет, взяла стопку фото вместе с конвертом и вышла к психологу, протягивая карточки, заглянула в глаза.

– Отдохнуть тебе надо, выспаться, – она разжала пальцы.

– Да, – кивнул Гратко. – Сегодня лягу пораньше.

– У тебя все нормально? – тихо спросила она.

Иван вздрогнул, оглянулся, но коридор оставался пустым.

– Да, все хорошо, просто... – он замялся.

Она кивнула, но ничего не ответила. Зашла в кабинет, прополоскала тряпку, отжала и вытерла влажный пол еще раз. Вышла. Иван закрыл двери, щелкнул замок.

– До завтра? – спросил он, глядя на валик тряпки в руках девушки.

Она только пожала плечами, как бы говоря «конечно, а что должно измениться». Ваня еще секунду сомневался в том, как нужно уйти. Махнуть рукой, дотронуться до плеча Лили, или даже похлопать по спине, но все это время он смотрел на скрученную тряпку, с которой не упала ни одна капля воды. Затем развернулся и зашагал в сторону выхода.

*_*_*

По пути домой, Иван зашел в магазин и купил продукты. Решил приготовить ужин и последовать совету уборщицы. «Хватит раскисать!» – твердил он мантру, бродя между полок в магазине. Через какое-то время этот призыв вытеснил все, даже чувство голода. Гратко удивился, как обычное самовнушение действовало на его разум. Он решительно распахнул двери квартиры, занес продукты на кухню, но даже не стал их раскладывать в холодильник. На волне подъема, он захотел выполнить одно дельце, ну а уже потом, занять свой мозг и себя приготовлением ужина.

Все с той же решительностью и насвистывая мелодию под нехитрое словосочетание, психолог пересек квартиру и остановился возле кладовки. Распахнул двери и... Ему показалось, что он открыл двери в прошлое, помимо старых вещей, которые он хранил от родителей, на своем месте стояла и коробка. Идиотская мысль о том, что если достать ее из шкафа то энергия прошлого ослабнет, прочно обосновалась в мозгу. Теперь Иван не был уверен в том, что сейчас двадцать первый век, а он дипломированный психолог. Ему казалось, что он попал в дремучее средневековье, и даже не историческое, а где-то в выдуманном романе-фэнтези. И он собирается не выбросить фотографии из прошлой жизни, а как минимум уничтожить страшное заклятие злого мага.

Коробку Гратко достал, а двери быстро закрыл. Конечно же, ничего не изменилось, но на душе стало легче. Иван сел на диван, поставил артефакт на колени, и запустил руку внутрь. Фотографии он нашел сразу, они лежали в прозрачном файле. Верхнее фото, перевернутое изображением к остальным, только подстегивало воображение о заклятии. Нельзя даже смотреть на то, что изображено на них, иначе последствия окажутся плачевными. И в тоже время фотографии были аккуратно завернуты в прозрачный файл, чтобы на них не попадала пыль. Словно он или на что-то надеялся, или хранил их для какой-то еще не ведомой ему цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.